

Скачки – 7 / повесть

Category: Kitapcy, Powestler

написано kitapcy | 22 января, 2025

Скачки – 7 / повесть

* * *

Не всем, кто приходил проведать Сары-сейиса, доводилось его увидеть. «Только заснул», – говорила каждому Гюльрух-эдже. Одни, постояв во дворе, шли восвояси, но некоторые все же заходили в кибитку. Долго там не задерживались: постоят немного у входа, скажут: «Пусть хворь отстанет!» и довольные собой уйдут. Нарлы теперь целыми днями был дома, на работу не ходил. Когда сидел рядом с отцом, лицо его принимало благодостное выражение, но стоило ему выйти во двор, как сразу преображался. На лбу прорезались глубокие морщины, брови сходились у переносицы. Злился из-за всякого пустяка. Мульки доставалось больше всех. Каждое утро – надо, не надо! –

Нарлы посылал его за травой для скотины. «Ничего, не переломится!.. Вместе с потом из парня дурь выходит!» – приговаривал он посмеиваясь. Но и Мульки теперь точно подменили – лишнего слова не скажет. Всех сторонился, ходил по двору тенью, думал о чем-то своем. Гюльрух-эдже запретила ему видеть отца. «Пока не выздоровеет, не тревожь!» – вот как сказала, и Мульки не смел ее послушаться. Но все ждал, что отец сам позовет его. Вечерами не уходил из дома, как обычно. Только сумерки – шел в свою кибитку и, накрывшись с головой одеялом, лежал, притворившись спящим. Часами сидел у порога отцовской кибитки, прислушивался, ловил каждое доносившееся оттуда слово...

Говорили все об одном и том же:

– Сынок, о семье сам побеспокойся. – Речь Сары-сейиса была прерывистой; он задыхался – слова вылетали свистящим шепотом.

– Не волнуйтесь! – так же тихо отвечал Нарлы.

– За Шункаром хорошо смотрите... Не опозорьте моего имени...

- Сделаю.
- Не ссорьтесь!.. Пусть дети не знают лишений...
- Не допустим этого, отец!
- Если будете дружно работать – всем хватит. Я верю в тебя, сынок...
- Положитесь на меня!
- Позови сестер... Пусть будут рядом... Теперь уж недолго... И дядю позови...
- Всех позвали, отец. Ваши дочери приехали... И дядя наверно в дороге.
- Правильно сделал, сынок. Правильно сделал... Я надеюсь!..
- Все образуется, отец, вот увидите... Крепитесь...
- Где Мульки?... – спросил однажды отец. – Дома?..
- Дома. Хочет с вами повидаться.
- Позови его, сынок... Позови, нехорошо, что он ждет. Пусть войдет в кибитку...
- Иду, отец.

Во дворе завывали женщины.

- Почему плачут твои сестры, Нарлы? Пусть пока не плачут... Еще рано...

Нарлы вышел из кибитки. Мулькаман встал, ожидая, что Нарлы сейчас позовет его, но тот даже не посмотрел в его сторону.

- Замолчите! – крикнул он женщинам...

Сары-ага все пытался вспомнить, какой нынче день. «Хорошо, если пятница, – думал он. – Джума – день благоприятный, так учил мулла... Душа сразу попадет в рай, не придется держать ответа...»

Уже стемнело...

Коза с белой отметиной словно знала, что сейчас не до нее.

Она выбралась из загона – у тутовника никого... Коза набросилась на молодые деревца; нежные, сочные листья так вкусны» Вот что значит хороший уход!.. Лист за листом срывала она с тоненьких веток, торопливо, с хрустом жевала их, но все не могла насытиться. И тут случилось то, чего она опасалась. Мальчик выбежал из кибитки и закричал так, словно коза не листья, а ухо ему грызла:

— Мама!.. Мама!.. Коза отвязалась!

Коза встала на задние ноги, оборвала разом три листочка, что росли на самой верхушке, и, не дожидаясь погони, засеменила к загону, на ходу дожевывая свою последнюю добычу.

Самыми сочными, самыми сладкими эти листочки ей показались!..

Часть третья

ОСЕНЬ

Курбангуль не знала радоваться ей или обижаться... Вот уже больше недели ей ничего не позволяли делать по хозяйству. Нязик со всем сама управлялась. Стоило только Курбангуль взяться за что-то, как старшая невестка оказывалась рядом и решительно выхватывала работу.

— Делай, что старшие скажут!.. Нечего здесь хозяйничать!.. Ты не смотри, что я маленькая, мне к работе не привыкать, — говорила она с досадой в голосе, но, смягчившись, добавляла:

— У тебя теперь одна забота: родить свекрови здорового внука. Мульки-джан говорит, что он будет носить имя покойного сейиса...

Вот и сегодня утром она не разрешила Курбангуль доить верблюдицу.

— Вскипяти чай!.. — приказала Нязик, бросая у очага охапку хвороста. — Верблюдицу я сама подую.

«Птичка-невеличка», — глядя вслед старшей невестке, с благодарностью подумала Курбангуль. Она присела у очага, забросила за спину концы красивого, с длинной бахромой платка, которым теперь, как положено замужней женщине, покрывала голову, и стала раздувать угли. Когда Мульки с Шункаром вернулись с прогулки, в тунче уже весело булькал кипяток. Она приготовила воды для умывания, вышла навстречу мужу, низко поклонилась проходившему мимо деверю.

Мульки умылся кое-как, по-кошачьи одной рукой смочил щеки, протер глаза и пошел поздороваться с матерью. Он присел рядом с Гюльрух-эдже возле очага, зябко поежился.

— Что-то у вас холодно, мама, — сказал он, наливая чай.

— Уже осень, сынок. Это утренняя прохлада...

– Разве трудно растопить очаг?

– Уже топили.

Мульки усмехнулся:

– Когда был жив отец, в очаге всегда горел огонь.

– С дровами плохо... Это саксаул горит долго, а хворост вспыхнет и нет его. Какое от него тепло...

– Так возьмите саксаул!.. Разве я мало привез? На три года хватит! – В голосе Мульки послышалось раздражение.

– Те дрова, что ты привез, сынок, сырые. От них полная кибитка дыма, – терпеливо объясняла Гюльрух-эдже. – А прошлогодние ты завалил. Если холодно, набрось что-нибудь...

– Словом, отец умер – мир перевернулся! – Мульки хмыкнул, одним глотком допил чай.

Он вышел из кибитки, но вскоре вернулся. Вместе с Нарлы.

– Мама, пропало седло! – крикнул Мульки с порога.

– Присядь, Нарлы! – Гюльрух-эдже подождала, когда сын подойдет к ней. Придвинула к нему накрытый платком чайник. – В нашем доме нет воров, – произнесла она с достоинством. – Седло я спрятала.

– Сегодня скачки... Не со старым же срамиться.

– У каждого наездника должно быть свое седло. Это седло покойного отца. На Шункаре ездил, а седло не тронь, обзаведись своим. Хочешь – сделай, хочешь – купи... Отцовское – это память.

Мульки сел рядом с братом.

– Что-то я не слышал о таком обычае!

– Такого обычая нет, сынок. Таково мое желание. Разве этого мало? Я тебя предупреждала, трижды говорила, а ты и пальцем не шевельнул...

– Мама, я куплю седло... Но такие покупки не делаются впопыхах. Да и где теперь его взять? Не упрямитесь, мама! Не говорить же каждому, почему вы седло не даете!..

– Зря ты на меня обижаешься.

– Я не обижаюсь, мама. Я исполню ваше желание, но сейчас надо ехать на скачки. Как я покажусь там? Памятью отца заклинаю – дайте седло! Или вы хотите, чтобы люди надо мной смеялись?.. Вы этого хотите?.. – Гюльрух-эдже молчала,

ворошила палочкой золу в очаге. — Мама, наказать Мухаммеда-серке — это наш долг перед отцом. Я должен сегодня участвовать! Нарлы, скажи ей!.. — Мулькаман с надеждой посмотрел на брата.

Нарлы словно не слышал. Неторопливо допил свой чай, оставил пиалу, перевернув ее доньшком вверх.

— Нельзя уступать победу Мухаммеду-серке, — произнес он, ни к кому не обращаясь, точно говорил сам с собой. Искоса глянул на мать. Гюльрух-эдже сидела, низко опустив голову. —

Мама, дайте ему седло... В последний раз, — добавил он, упавшим голосом.

Гюльрух-эдже со вздохом поднялась, подошла к сундуку, двумя руками подняла его тяжелую крышку. Постояла, раздумывая, потом, еще раз громко вздохнув, достала седло, завернутое в белоснежную ткань, принесла его Нарлы, положила перед ним на кошму.

Мульки хотелось схватить седло и убежать к Шункару, но он даже не шевельнулся, смотрел прямо перед собой, точно все это его не касается. Нарлы развернул тряпку, погладил темную с зеркальным блеском кожу. Он медлил, пытаясь вспомнить, что обычно говорил в подобных случаях отец.

— Ни о чем не думай кроме скачек... — произнес он неуверенно и запустил пальцы в бороду, как это делал Сары-ага, откашлялся. — К холмам подъедешь попозже, пока покрутись где-нибудь. И не гони Шункара!.. Делай, что он хочет, силы его береги... В посыл пошлешь... — Нарлы смешался, от напряжения его пот прошиб.

«Тоже мне сейис нашелся, — с обидой подумал Мульки. — Откуда тебе знать, когда посылать Шункара!»

Нарлы утер рукавом пот, шумно, с облегчением вздохнул:

— Возьми седло, брат. — Он посмотрел на мать: вид у Гюльрух-эдже был не обиженный, даже довольный. Теперь она сама радовалась, что все кончилось миром. — Не забывай, надо обзавестись своим седлом, так хочет мама.

— Хорошо, брат, — весело ответил Мульки, выходя из кибитки.

Рядом с Шункаром Мульки сразу забыл о всех неприятностях.

Мыслями он был уже на скачках. «Конь хорош!.. — думал он. —

Сегодня все убедиться, что Шункару нет равных в округе!»

Курбангуль неслышно вошла в затишь, остановилась у него за спиной. Мульки сделал вид, что не замечает ее.

— Нашлось седло! — радостно воскликнула она. — Жаль сегодня тебя не увижу. Только ты не гони сильно, а то еще упадешь. Все равно лучше Шункара там коня не будет. Когда возвращаться станешь, пришпорь — и все!..

«И эта лезет учить!»

— Ты любишь всегда быть впереди, а кому это нужно? Атаджан, так он держится чуть сзади. Главное — победить, а каким ты шел первым или последним...

— Ступай в дом! Мне не нужны твои советы! — не дал договорить ей Мулькаман.

— Добрый совет никому не помешает! — рассмеялась Курбангуль. — Хорошо бы выиграть тебе три скачки. Тогда бы и свекрови сделал подарок, и Нязик. Она так обо мне заботиться...

— Заткнись! — Мулькаман хлестнул Курбангуль уздечкой. — Кто тебе позволил сюда войти!

Курбангуль вскрикнула, неловко попятилась, прижалась к стене, закрыла лицо ладонями. Мульки обезумел от гнева, в глазах у него потемнело.

— Здесь не место женщине!.. Поняла?.. — кричал он, нанося удар за ударом. Он не слышал ни своего голоса, ни плача Курбангуль, ни испуганного хрипа Шункара — только свист, с которым уздечка рассекала воздух.

Нарлы повалил его на сено, заломил руку.

— Ты что делаешь?! Меня бы позвал, если захотелось подраться! — Нарлы вырвал уздечку, отшвырнул в сторону. — Шункара бы постыдился... Забыл, что отец говорил...

— Пусти! — Мульки высвободился. Не глядя на брата, стал отряхивать халат. Перепуганный Шункар забился в дальний угол, рыл землю копытом.

— А ну-ка, пойдем, поговорим! — Нарлы схватил Мулькамана за плечо, да так, что тот поморщился от боли.

Мульки вырвал руку.

— Сейчас мне некогда. — Он подошел к Шункару, стал гладить

гриву, пытаюсь успокоить коня. — Не бойся, Шункар, не бойся... Ничего не случилось...

— Пойдем, — снова позвал Нарлы, стоя в дверях.

— Прости брат! Я виноват, что начал учить жену здесь. Ты прав, отец был бы недоволен. — Голос Мульки дрожал, казалось, он вот-вот заплачет. — Ради отца прошу, не задерживай меня сейчас. Ты пойдешь на скачки? — спросил он вкрадчивым голосом.

— Не знаю, — буркнул Нарлы и, махнув рукой, вышел из затиши.

Курбангуль лежала ничком на кошке в тени тутовника. Она вся сотрясалась от рыданий, но плача слышно не было. Рядом с ней суетилась Нязик.

— Ох, все наши надежды напрасны!.. — причитала она, сама чуть не плача. — И чего тебе, милая, там понадобилось. Я сколько лет здесь живу, даже одним глазком в затишь не заглянула.

— Ступайте отсюда! — приказал Нарлы детям, что сидели возле колодца, наблюдая за женщинами. Он прошел к отцовской кибитке, сел у порога. Мульки вывел все еще возбужденного Шункара из затиши, постоял посреди двора в надежде, что брат скажет что-нибудь на прощание. Нарлы отвернулся. «Пусть не думает, что я его простил. Ничего, вернется со скачек, я ему покажу!.. распалял он себя. — Не рад будет, что на свет родился.»

Однако не гнев, а вину от собственной беспомощности испытывал сейчас Нарлы. «Не надо было бросаться на Мульки с кулаками, не надо было кричать. Отец бы только посмотрел — и все! При отце такое и случиться не могло. При отце... Без него все разладилось. Это он, Нарлы, виноват. Как отчитаться?.. Все валится, все получается не так. Не всякому под силу быть хозяином священного очага! Поддерживать в нем огонь куда тяжелей, чем подносить дрова! А ведь как он бьется. За четыре месяца, что прошли после смерти отца, минуты лишней не сидел. Сгорбился даже... С утра до ночи, с утра до ночи тянет этот воз, а он все ни с места. Обидно, что и другие это видят. Нязик прежде лишнего слова сказать не смела, а теперь целый день

уму-разуму учит, попрекает: и то не так сделал, и это — не можешь о семье позаботиться. Будто у него тысяча рук. И поле на нем и скотина. От Мульки помощи мало, у него только скачки на уме. Еще и год неурожайный выдался! Пшеница не уродилась, а на нее была вся надежда. Почему «земля Сары-сейиса» так скупа к ним?.. Разве они не дети своего отца?.. Соегу надо купить новый халат. Старый — одни прорехи. Вчера принес в поле обед: губы синие, весь дрожит. А ведь еще осень... Зимой из дому выйти не сможет... Где те счастливые времена, о которых говорили Еламан и Иламан? За что они сложили головы? Уж лучше бы сидели дома!.. Отправились за счастьем, словно его в хурджуне принести можно. А теперь он один, совсем один. Все говорят, что трудно только поначалу, что жизнь просто испытывает. Может и так. Когда несешь тяжесть, сначала еле ноги переставляешь, а потом ничего, привыкаешь... Только бы не раздавила эта ноша, до того, как он к ней притерпится...

Всем трудно. Люди раздражены. Вчера вечером, когда собрались у Черкеза-волопаса, это было так заметно. Разожгли большой костер, сели вокруг. Со стороны посмотреть — одна большая семья. Шутят, смеются — позавидуешь. Но в каждом слове — подковырка, все норовят поддеть. Черкез-ага — молодец!.. Что бы ему ни говорили, он только улыбается. Сколько нужно терпения, чтобы не рассердиться. Начнешь защищаться — заклюют. Вон как Сейиту Кары досталось!..

Нарлы сидел в стороне от костра. Когда позвали поближе к огню, отказался. На языке у людей мед, а в сердце — яд. Знает он эти уловки! Сначала усадят на почетное место, а потом начнут языки чесать. Все припомнят: и как председателем «Кошчи» ходил, и что в Ташкент, как большой начальник, ездил, и о том, что отец картуз отнял!.. Его теперь на это не купишь! Сейит Кары пришел важный, а убежал, как побитая собака. А как ловко к нему подъехали! Сначала спросили, как он в хадж ходил. Он и рад похвалиться. Сидит довольный, рассказывает. Тут кто-то и говорит: «Надо же, у Сейита Кары — одна рука, а как ишан и мулла убежали, первым успел за черпак ухватиться!» — «Слава Аллаху, что одна, — смеется другой. — Будь у него обе целы, он бы у нашего Ильмурада печать отобрал!» Все подмечают

люди! А драться не полезешь. Люди все миром держатся, свою силу знают. Надо бы туда Мульки затащить, пусть узнает, что о нем говорят.

И все-таки там хорошо, лучше, чем дома. И заботы забываются, и беды. Домой возвращаешься, словно к постели больного. К постели чужого, незнакомого человека. А ведь и в самом деле – чужой... Что он знал о нем прежде? Разве не думал, как другие, что дом их – полная чаша. Каждую пятницу ели мясное, одевались справно. Он и представить себе не мог, что у отца всего два старых халата! В одном ходил по праздникам, в другом – каждый день. И кто бы подумал: знаменитый сейис, близкий человек Дурды-бая! Умел отец себя поставить. И у матери ничего. Выходит, обновы покупали только им: детям, невесткам, внукам?... Разве отец жаловался, сетовал на бедность? Нет, всегда держал себя с достоинством, как богатый человек. Эх, только портки о твоём поносе знают!.. Все теперь думают, что отец оставил им наследство. Ему еще и в заслугу, что имел деньги, а не кичился. А тут не знаешь, как матери на платье купить... Как все смотрели на него, когда занимал денег на свадьбу?...

Женитьба эта была совсем некстати. Занимали, перезанимали, по уши в долгах теперь, быстрее, чем за пару лет, не выкарабкаться. А ведь говорил, подождите, давайте годовщину отметим... Кто его послушал?... Нет, давай быстрее! Все навалились: и мать, и Нязик, и старики. С трех сторон!.. Конечно, с таким языком, как у Мульки, кого хочешь уговорить можно. Клялся, что будет работать день и ночь! Зачем я только поддался? Как мальчишка, патоку с медом спутал. Думал, может и в самом деле, женится, остепенится, домоседом станет. Вот чем все кончилось! Проклятый!...

Женили Мульки почти сразу после сороковин. Приятели отца пошли вместе с Нарлы сватать Курбангуль. Они же помогли устроить небольшой той. Позвали соседей, стариков. Нарлы, который привык целыми днями быть в деле, крутиться, все хотел помочь то одному, то другому. И все ему говорили: «Ты, Нарлы, хозяин в доме. Пойди, посиди с гостями!». Это было приятно. Что бы ни начинали делать, приходили спросить у него разрешения, совета.

А он смущался. Ведь это было первое большое дело, которое затеял самостоятельно. Нет, не по-хозяйски он себя вел: казалось, что сидит на чужом месте и люди видят это...

«И душу-то излить некому!.. Мульки ни до чего дела нет. Чужой!.. Словно не брат. Где Еламан?.. Где Иламан?.. Как с детства были все заботы на нем, так и остались. Старший брат!.. А Еламан с Иламаном всегда защищали Мульки. Им что?.. Если бы им доставалось, как ему! Легко быть добреньким... Всегда они были заодно. Всегда вместе, а он — один, всегда один!.. Как-то подстерегли его, повалили на землю, смеялись: «Ну что, Нарлы?.. Кто сильнее?» Они смеялись, а он чуть не плакал. От обиды. Почему мир так устроен, что одним — смех, а другим только слезы?..» Он до сих пор не забыл, как они смеялись!

...Один Абды его понимал. Теперь и Абды нет, ушел, бедняга, оставил кучу детишек на руках у Мамагуль, а сам спит спокойно. Кто мог представить, что Мамагуль такая? Байская дочь. В отчем доме никаких забот не знала: наряды — самые лучшие, есть привыкла сладко. Родители так Абды и говорили: в жены надо брать ровню. А разве он сам, Нарлы, не отговаривал друга, не посмеивался над ним? Жили-то они плохо, все ссорились. Два раза Мамагуль с детьми к отцу уходила. Еле уговорили, чтоб вернулась домой. А как умер Абды, ее точно подменили. Невестка, что хворостинку с земли поднять ленилась, на себя все хозяйство взвалила. Когда отметили сорок дней по Абды, пришли к Мамагуль сваты. Хоть и полон дом ребятишек, породниться с баем охотники нашлись. Как бай-ага Мамагуль уговаривал: «Подумай о детях, ведь нищими сироты остались!» А она ни в какую: «Лучше ослепну, а детей чужим хлебом кормить не стану!» Сватов прогнала, с родителями разругалась, даже в гости к ним ходить перестала. Но теперь, если хотят пожелать кому хорошего, говорят: «Дай тебе Аллах такую невестку, как Мамагуль!».

Откуда у нее столько сил?.. Никогда Мамагуль без дела не сидит. Хорошо, если Абды видит это с того света. Как должно быть душа его радуется!.. А разве Мамагуль сильнее его? Нет, но у нее больше любви! Любая работа для нее не в тягость, за самое тяжелое дело берется с радостью. Только и слышишь: «Лишь

бы детям... Лишь бы детям...»

Нарлы встал. Мамагуль, как всегда, трудилась; пере-по-яса-вшись платком, мотыжила свой участок. Не разогнется, работает ловко, точно от колыбели с кетменем не расставалась.

Нарлы тоже решил взяться за дело. «Какие тут скачки, если огород перекапывать пора!.. Людям только развлечения подавай. Скачки!.. А жизнь разве не скачки? Много ли радости от того, что чья-то лошадь придет первой?»

Земля была твердой как камень. Всю свою силу, всю обиду, что накопилась в сердце, вкладывал Нарлы в каждый удар. «Скачки! Разве сам он, Нарлы, не лошадь?.. Усталая, надорвавшаяся на работе кляча, что плетется в хвосте, задыхаясь пылью!.. Все забыли про нее, никому нет до нее дела... Но мало ли что бывает, разве не случается так, что последняя лошадь приходит первой? Лишь тот, кто смирился с поражением, никогда не победит!.. Мы еще посмотрим, чья возьмет!.. Разве только по достатку судят о людях?.. Никто не посмеет сказать, что сыновья Сары-сейиса никудышные... Мы еще себя покажем!..»

С каждым ударом кетменя уверенность возвращалась к Нарлы, казалось, душа оживает, возрождается, как сама земля. Не всю ли свою животворную силу отдала она за лето? Зной ее сушил, корни высосали все соки, всю ее кровь. Каменистая корка ее покрыла, глянешь — бесплодная, мертвая твердь. Но под коркой — живая плоть. Высвободи ее, и она тебя отблагодарит. Каждое зернышко вернет сторицей, в десять, в двадцать раз умножит!.. Не так ли и душа человека. Зарони в нее ничтожное, невидимое глазом зерно надежды, и оно расцветет прекрасным цветом. «Ничего, все беды минуют — не вечно зима длится! Лишь бы минутная злоба тобой не руководила, лишь бы не под-даться отчаянию! Все пройдет, все будет так, как ты хочешь! Хорошо что он, Нарлы, сдержался, не запретил Мульки идти на скачки. Даже подумать страшно, что сказали бы люди, не увидев Шункара. А Шункар не подведет. Верно отец говорил, что он их крылья, их богатство. Пошли Аллах победу Мулькаману!.. Всяк на своем месте хорош. Мульки — наездник, его место в седле, а на пашне, нужна моя сила!..»

— Отец, отец, к нам дедушка Черкез пришел!... Он лошадь Аннамуну принес!..

Черкез-волопас в окружении ребятишек стоял рядом с колодцем. Аннам уже оседлал своего «скакуна» — вырезанная из дерева лошадиная голова была насажена на палочку, черная овечья шерсть заменяла гриву, а уздечка — кожаная, совсем как настоящая.

— Мир тебе, Нарлы, — обрадовался Черкез-волопас. — Не увидел тебя на скачках — решил навестить. Все с землей возишься... Молодец! А я не могу без скачек. Ильмурад об этом знает. Утром сегодня пришел, говорит: «Сходите, отец, на скачки, отдохните, а загон я покараулю». Дай тебе Бог таких сыновей!.. Ты посмотри на этих сладеньких! Джигиты!.. Все понимают! «Твой конь не настоящий, — говорят, — он сам не скачет!» — Черкез-ага расхохотался. — Им такого коня, как Шункар, подавай! Где его взять, милые? Таких коней больше нет. Такой конь не всякому достается!.. Ты его погоняй, Аннам-джан, погоняй — он еще быстрее Шункара поскачет!.. Хороший денек сегодня!

— Да, солнце светит, а не жарко... Полдня работал, а даже не упарился. Вот только говорят, что зима ранняя будет. Вы проходите в кибитку, Черкез-ага. Чайку попьем... — Нарлы придержал ковровый полог, пропуская старика вперед.

Черкез-волопас, низко согнувшись, вошел в кибитку, сослепу щурясь постоял у порога, пока глаза привыкали к полумраку.

— Со вчерашнего дня хотел вас проведать. К холмам на арбе поехал, пешком туда и обратно уже тяжело. Как ваши дела, Гюльрух? — спросил он устраиваясь у очага.

— Слава Аллаху!.. Теперь мы все со старостью наперегонки бегаем.

— Вам грех сетовать. Сына женили. Еще раз поздравляю. Пусть молодая невестка принесет в этот дом счастье и достаток!

— Да отблагодарит вас Создатель! Пусть будет так, как вы пожелали!..

— Мулькаман мне сегодня понравился. Молодец!.. Шункара хорошо подготовил. Скоро станет сейисом!

Больше Черкез-ага не проронил ни слова. Он неспеша пил чай и

разглядывал кибитку, словно был в ней впервые. Каждая вещь напоминала здесь о Сары-сейисе. Все стояло на своих местах, ничто не изменилось. Казалось, хозяин вышел ненадолго, сейчас вернется. Лишь халат, что висел там, где соединялись части терима, напоминал, что теперь сейису уже не страшны ни холод, ни зной, ни снег.

Вновь заварили чай. Черкез-волопас помедлил, потом налил пиалушку. В гостях следует довольствоваться тем, что предложили в первый раз – такому правилу он всегда следовал. Добавка – словно повторная женитьба: радости нет, одно пресыщение. Но сегодня он решил выпить и второй чайник – долю Сары-сейиса. После каждого глотка доставал из-за пазухи длинную, некогда белую тряпку, тщательно вытирал пот с лица. Перед уходом прочитал успокоительную молитву.

Нарлы вышел проводить старика. Черкез-ага уже забрался на арбу, когда на дороге показался Мулькаман. По тому, как он сидит в седле, как держит голову, улыбается – лицо его так и светилось – Нарлы догадался, что удача сопутствовала брату.

Мулькаман легко соскочил на землю, поприветствовал Черкеза-волопаса.

– Видели, Черкез-ага?! Мухаммед-серке чуть не плакал. Значит могу я за конем смотреть!..

– Пламя в очаге не сразу гаснет, угли еще долго тлеют, – вырвалось у Черкеза-волопаса. Он и сам пожалел об этом. – Пусть твой огонь всегда горит, Мульки-джан, – прибавил он, чтоб загладить неловкость.

– Так и будет, Черкез-ага! – беззаботно воскликнул Мульки.

– Пусть завистники говорят, что им хочется, а будет так, как я пожелаю!

– Даст Аллах, так и будет! – Черкез-волопас тронул вожжи.

– Сары тогда сможет спать спокойно. – Он отъехал немного, оглянулся, крикнул все еще стоявшему у ворот Нарлы: – Ты, Нарлы, молодец! Поводья держишь неплохо..

Когда повозка Черкеза-волопаса скрылась из виду, братья зашли во двор. Мульки был говорлив, возбужден, похоже, он уже забыл об утренней ссоре.

— Два заезда сегодня выиграл, — хвастался он. — Призы, правда, неважные. Все теперь скупятся. Это самые лучшие. —

Он протянул Нарлы цветастый шерстяной платок. — Вот... Ты ведь хотел маме подарок сделать. Своими руками отдай, пусть порадуется. Скоро ведь зима. — Мульки помедлил немного, потом достал из-под халата отрез домотканного шелка. — И это ей отдай. Пусть сошьет новое платье.

Мульки провел Шункара в затишь, а Нарлы остался один среди двора, прижимая к груди платок и шелк. Он едва сдержался, чтоб не бросить их в пыль. Эти тряпки жгли ему руки. Он готов был умереть сейчас, сквозь землю провалиться. Уж лучше бы Мульки его за бороду дернул! «Мальчишка, что он воображает? Тоже мне Карун нашелся!.. «Отдай своими руками», его послушать, так выходит на другое мои руки не годятся!..»

Обо всем на свете позабыл Нарлы. О всех зароках, что давал себе сегодня. Несправедливость, что острее ножа, полоснула по сердцу.

— Покормишь Шункара и ступай копать огород. Помаши немножко кетменем. Пока ты на скачках был, я тут не разогнулся. — Нарлы пошел к кибитке.

— Эй, брат!.. Чего нам надрываться? Надо было попросить у Черкеза-волопаса быков, прошлись бы сохой. — Мульки стоял в дверях затиши. Голос его звучал весело, но он уже не улыбался, усы повисли.

— Нечего меня учить! Как отец делал, так и мы делать будем. Кетменем, кетменем!.. Не переломишься! И учти, сам проверю. —

Нарлы пригрозил пальцем. — Я тебя знаю... — Он ухмыльнулся.

— С потом дурь выходит!

Когда Нарлы скрылся в кибитке, Мулькаман устало опустил на кошму, что была расстелена под тутовником. Налил в пиалу остывшего чаю. «У-у, Нарлы-дяли!.. Пока чаю не выпью, никуда не пойду — пусть все огнем горит. Как хорошо здесь — так бы и сидел до вечера! — Мульки взглянул на солнце — оно уже стало клониться к кибиткам. Еще немного, и настанет время прогуливать Шункара, тогда ему никто и слова не посмеет сказать. Разве он не приносит в дом своей доли? Много ли наработал Нарлы за эти месяцы? Только кричит, командует,

старшинство свое доказывает, а прибытку никакого. Хоть бы доброе слово сказал! Только и слышишь от него: «Работай, работай!..» Что ни принесешь со скачек, все как в прорву. Отец не зря говорил, что Шункар — наше богатство. Все это понимают, кроме Нарлы. Как Мухаммед-серке смотрел сегодня!.. Жаль, что пуля его не достала. До чего же зависть может человека довести — на чужого коня позарился. Совести нет. На скачки пришел звать!.. С чего бы это?.. А он присматривался, принюхивался, вор!..»

Позапрошлой ночью его разбудила Курбангуль.

— Послушай!.. Там кто-то ходит...

Сон вмиг как рукой сняло: «Шункар!..» Схватил кремневку и как был в исподнем, выскочил во двор. Дверь в затишь была распахнута настежь! Выбежал со двора. В стороне, возле кибитки Мамагуль, почудилось какое-то движение.

— Стой! — крикнул Мульки.

Шункар узнал его голос. Громко, радостно заржал, встал на дыбы. А человек, что вел его со двора, бросился убегать. Мульки вскинул ружье, не целясь выстрелил. Беглец споткнулся. «Попал!» — обрадовался Мульки. Он побежал к Шункару, первым делом ощупал бабки, потом тщательно, словно при торге, проверил все двенадцать частей его тела — конь был невредим! «Что ж ты, Шункар, не позвал меня на помощь?» — упрекнул коня Мулькаман.

Прибежал заспанный Нарлы.

— Что?.. Кто стрелял?

— Шункара хотели украсть... Я его пристрелил. — Мулькаман выругался.

— О, Аллах! — испуганно воскликнул Нарлы, вырвал у него ружье. — Где он?

Они побежали туда, где должен был лежать убитый.

— Слава Аллаху, промахнулся, — облегченно вздохнул Нарлы, когда они никого не нашли.

— Это Мухаммед-серке был.

— Ты его видел?

— Он так бежит!..

Стали собираться разбуженные выстрелом соседи. «Что?.. Что

случилось?..» — спрашивал каждый. И Нарлы снова и снова рассказывал, что хотели украсть Шункара, что Мульки стрелял в вора, но промахнулся.

— Кто ж этот беспутный? — воскликнул кто-то.

— Мухаммед-серке давно на Шункара глаз положил, — сказал Мульки. — Кто бы это ни был, пусть знает, что в другой раз я не промахнусь!

Люди зароптали. Нарлы с укоризной посмотрел на брата:

— Нет, нет... Мульки не видел, кто это был, — поспешил он успокоить соседей.

В каждом селе — большое оно или маленькое — есть предания, которые всякий там знает сызмальства. Они передаются от поколения к поколению, от дедов к внукам, и — кого ни спроси! — всякий назовет человека, который знает эту историю доподлинно. Была такая история и у ханарцев. Говорили, что некогда один человек из рода дузчи отравил коня своего соперника, который принадлежал к роду мятеков. Те, кто был помоложе, уверяли, что это случилось лет двадцать назад, может, чуть пораньше, старики полагали, что было это в пору их детства. Как бы там ни было в самом деле, любому ханарцу известно, что произошло потом. Разгневанные мятеки потребовали у старейшин дузчи, чтобы их род ответил за преступление. Дузчи выдали двух человек: отравителя и того, кто его подучил. Мятеки увели их в пески и там зарезали. На том месте, где их могилы, детям запрещают играть и поныне. Историю эту не любят вспоминать ни мятеки, ни дузчи. Она бы и позабылась давным-давно, если бы не приходилось всякий раз объяснять мальчишкам, почему то место запретное.

«Эх, если б я поймал Мухаммеда-серке!.. Он бы мне ответил. Видно, у дузчи в крови такое. Жаль, что Шункар не сразу подал голос. Что-то случилось с конем. Пока жив был отец, он к себе чужих не подпускал. Как ни ластился к нему Атаджан, как ни подкармливал сладостями — все равно!»

Имелась еще одна причина, которая укрепляла Мульки в его подозрениях. Из чужих никто кроме Мухаммеда-серке не мог знать, что Алабая прогнали со двора. Ведь это случилось как раз тогда, когда тот приходил сказать о предстоящих скачках.

Маленький Аннам играл с Алабаем. В руке у мальчика была лепешка. Он то подносил ее к самой пасти пса, то поднимал высоко над головой. Даже когда Аннам привставал на цыпочки, Алабаю не составило бы труда схватить хлеб. Громадный, что твой теленок, пес не торопился: он повизгивал, как щенок, преданно заглядывал Аннаму в глаза, припав на передние лапы, ползал перед мальчишкой. «Сколько сильных вот так же, забыв о чести, готовы ползать на брюхе в пыли ради куска лепешки!» – думал Мульки, глядя на мальчика и собаку. Он усмехнулся. Но Алабаю наконец надоела эта игра. Аннам и глазом моргнуть не успел, как лепешка оказалась в пасти у пса. Алабай торопливо проглотил кусок хлеба и, вмиг став степенным и важным, лениво побрел на свое привычное место рядом с входом в затишь, лег на солнышке, опустил голову на лапы, всем своим видом показывая, что устал и хочет, чтобы его оставили в покое. Но Аннам не унимался. Он сел на собаку верхом, вцепился в густую рыжую шерсть за ушами. «Но!» – крикнул он и ударил в бока босыми пятками. Алабай не шелохнулся, только угрожающе зарычал. Аннам ударил его побольнее. Пес резко поднялся, сбросил мальчика с себя и громко облаял его.

Перепуганный Аннам заголосил. Прибежала Нязик, подняла сына с земли, прижала к себе, стала его успокаивать. Вышла из кибитки Гюльрух-эдже.

– Соег!.. Соег, где ты?.. Братика чуть собака не сожрала, а ты не смотришь! Чтоб я его здесь больше не видела! Отведи Алабая за холм, привяжи там к дереву. Чтоб он сдох!..

Все это случилось на глазах у Мухаммеда-серке. Все он видел, все он слышал...

– Ты еще прохлаждаешься? – Мульки открыл глаза, перед ним с кетменем в руках стоял Нарлы. – Забыл, что я тебе приказал? Эх, братишка, братишка... – Нарлы покачал головой. Он говорил нарочито вежливо, в голосе его слышалось только сожаление. – Идем!

– Куда?..

– Куда?.. – передразнил Нарлы. – Огород копать!

Сначала Мульки хотел не отставать от брата. Всякий раз, опуская кетмень, Нарлы шумно выдыхал «хэх!», словно это

помогало ему, и Мульки, хоть не видел брата, старался приладиться к его ритму. На первых порах это удавалось. Но недолго. Тяжелая работа вскоре стала раздражать. Ладони горели огнем, пот заливал глаза, да еще это постоянное «хэх!.. хэх!.. хэх!..». Нарлы точно издевался над ним. Мульки молил Аллаха, чтобы кто-нибудь пришел в гости, или чтоб солнце побыстрее опустилось за бархан и настал срок вести на прогулку Шункара. Мольбы его были напрасны! Сделав три-четыре удара, он распрямлялся, чтобы передохнуть, стереть пот со лба, и всякий раз поглядывал на солнце, а оно, казалось, вспять поползло. И вдруг Мульки осенило!

— Ступай, Нарлы, отдохни!.. — сказал он брату. — Ты ведь утром работал, теперь мой черед.

Нарлы не отзывался, словно не слышал, только еще чаще стали его «хэх!». Пришлось и Мульки подналечь, хотя руки уже не в силах были держать кетмень.

— Уже совсем немного осталось! — заметил Мульки спустя немного времени, стараясь, чтоб голос его звучал повеселее. — Хорошо бы сегодня закончить!.. Вот только б сил хватило.

— Если устал, отдохни.

— Неплохо бы!.. — Мульки понимал, что второй раз Нарлы отдыхать не предложит, но сразу бросить кетмень не решился, сделал для виду еще два-три удара. — Пошли, Нарлы, чайку попьем!

Нарлы не ответил, да Мулькаман и не просил его отвечать. Закинув кетмень за плечо, он побрел к затиши. Там устало опустился на сено, разулся, вытянул ноги. Сейчас ему казалось, что нет и не может быть счастья больше, чем сидеть вот так: расслабившись, ни о чем не думая.

— Ты что же это делаешь! — услышал он ворчание матери. — Погубить брата хочешь? Откуда у него силы, чтоб наравне с тобой кетменем махать!

— Ничего с ним не случится! — огрызнулся Нарлы. — Вместе с потом из парня дурь выходит...

— Хватит, сколько раз уже это слышали!.. Если самому лень работать, так и скажи. Вон, Мамагуль все хозяйство на себе тащит. Давай мы будем тебе помогать! Три женщины, а ты сиди и

командуй. Оставь все, не работай!..

— Мама!..

— Отец всю жизнь бился, так цели и не достиг. Хочешь, чтобы и мать несчастной на тот свет ушла? — Голос Гюльрух-эдже задрожал, она всхлипнула. — Невозможно так жить. Сколько я терпеть должна?..

Как Мульки ненавидел сейчас брата!.. Выйти бы, успокоить мать, сказать, что хочет отделиться, взять ее к себе. «Может, Нарлы только и ждет этого?.. Отделиться много ума не надо. Нарлы-то знает, где деньги. Все время рядом с отцом был: и днем, и ночью. А меня позвал, когда отец уже и слово не мог сказать!.. Нарлы знает, конечно знает!..»

После смерти Сары-сейиса Мулькаман несколько раз пытался выведать, что знает о деньгах Гюльрух-эдже. Впрямую спросить не решался, а мать или не понимала, о чем он допытывается, или в самом деле ничего не знала. «А может и нет ничего? — подумал он. — Чтобы устроить той брат занимал у односельчан. Зачем?.. Неужели хитрил?..»

Мульки вывел Шункара из затиши. Стараясь не смотреть ни на мать, ни на брата, не слышать, что они говорят, вышел со двора. Осень. Листья на деревьях уже пожелтели. И на шах-туте, что стоял среди двора, благословляя три кибитки, защищая их от зноя и холода, листьев почти не осталось. Зато на земле, под ногами, точно кошма с золотыми узорами. Мульки не любил осень, тревожно на душе становилось в эту пору года. Вот бы снова весна! Снова звонкие проливные дожди, чтоб залило все кругом, весь мир! Сидеть в кибитке, мечтать, слушать, как стучат капли по войлоку...

Этот год был непохож на все другие. Казалось, что сразу после бурной, пьянящей весны наступила угрюмая, бесконечная осень со скупым солнцем, с холодными, сырыми ночами. А как лето пролетело, он и не заметил. И не мудрено — умер отец.

На прощанье Сары-ага холодной, уже бессильной рукой пожал ему руку. Мульки не хотел ее отпускать. Казалось, пока он держит ее в своей горячей ладони, жизнь не сможет покинуть отца. Но время с неумолимой настойчивостью разъяло это рукопожатье. Глаза старика были широко открыты. Он сильно похудел в свои

последние дни, глаза его глубоко запали, взор стал пустым, бессмысленным, не осталось в нем былого огня, только полная луна отражалась... Вот и все, что удалось запомнить Мульки. Он не мог поверить, что отец умер. Рядом плакал Нарлы, громко рыдали сестры, мать, а его глаза оставались сухими. Ему казалось, что это и есть мужество.

На похороны пришли люди даже из соседних сел. «Посмотрите, где будет лежать ваш отец. Согласны ли вы?», — сказал кто-то, Мульки не запомнил его лица. Они спустились в открытую могилу, разровняли землю. Когда отца стали спускать, Нарлы не выдержал, запричитал. «Перестань, Нарлы, перестань!.. Не беспокой отца!..» — упрекнули брата. Все было, как во сне. И жизнь в доме после смерти отца стала какой-то сонной. До сих пор все говорят тихо, шепотом, чтобы не потревожить дух покойного. Больше ничего не изменилось. Разве что очаг горит не так ярко, как бывало, да Нарлы ни с кем не советуется. Что взбредет ему в голову, то и делает. Стал еще суровей, еще занудней, чем прежде. По вечерам только и знает поучать детей. Говорит, говорит, пока те не уснут, утомленные его наставленьями.

Когда Мульки вернулся, уже смеркалось. Идти в кибитку не хотелось, там была Курбангуль. Он вышел за ворота. У тутовника, что рос рядом с кибиткой Мамагуль, стоял какой-то мальчик. В сумерках его лица он не разглядел. Детей вокруг не было, играть мальчику было не с кем. Одиноким, забытым всеми... Непонятную жалость почувствовал к нему Мульки. Захотелось подойти, поговорить с ним. Он сделал шаг и замер, пораженный внезапной догадкой.

«Еламан!..»

Мульки остановился в растерянности. А мальчик кинулся прочь, убежал не оборачиваясь, только белая рубашонка на ветру плескалась. Теперь его не догнать.

Почти совсем стемнело, когда из дому вышел Нарлы.

— Покормил Шункара?

Мульки кивнул.

— Идем.

— Куда? — Мульки удивленно посмотрел на брата.

— Придем — увидишь.

Они уже пересекли село, дошли до мельницы, когда Нарлы, что шагал впереди, остановился, и, потупясь, сказал:

— Не будем сторониться людей, брат.

Между загоном и домиком Черкеза-волопаса горел большой костер. Вокруг сидели люди, переговаривались вполголоса. Сегодня никто не шутил, не смеялся.

— Хорошо, что вы подошли, — сказал Ильмурад, отодвигаясь в сторону, чтобы освободить братьям место у огня. — Как ваши дела? Помощь не требуется?

— Помощи не надо, — ответил Нарлы. — Еще дня два-три и закончим. Огород уже почти вскопали.

— Сыновья Сары сами о себе позаботятся, — Черкез-волопас строго посмотрел на Ильмурада. — Речь о том, как помочь Сейиту. Сын его неизвестно когда поправится. А у бедняги одна рука, как пахать будет? Скажи, что делать, Ильмурад.

— Сейиту Кары всегда нужна помощь. Хорошо он устроился!.. — проворчал Мухаммед, что жил возле старой крепости. — И потом, с каких это пор он в союзе «Кошчи»?.. Пусть сначала своего быка сюда приведет, иначе...

— Мухаммед, дорогой, ради Аллаха, не говори так, — с опаской произнес кто-то.

— Мы поможем Сейиту-ага, — встрял в разговор Нарлы. — Нельзя бросать человека в трудную минуту. Мы все люди одного очага, — добавил он так торжественно, что все, кто сидел в этот час у костра, внимательно посмотрели на него.

Когда возвращались домой, настроение у Нарлы было хорошее. Он негромко напевал странную незнакомую мелодию, временами с улыбкой поглядывал на Мульки, который хмурый плелся сзади.

— Если Шункару чего надо, скажи!.. А ячменя мы подкупим, — весело сказал Нарлы и зашагал быстрее.

Ночь была лунная, казалось, все вокруг залито молоком. Дорога, белея, тянулась вдаль. Она вела братьев к дому.

Ветви шах-тута разрослись, совсем закрыли тот сук, на котором подвешивали мешок для сузьмы. «Да придумайте вы наконец что-нибудь», — всякий раз ворчала Гюльрух-эдже. Однажды, это

было в начале осени, Мульки срубил на берегу Гямисув молодой тал с развилкой на конце. Несколько дней жердь валялась у колодца, все спотыкались об нее. «Убери ты эту палку с дороги!» — сказала мать. Мульки взял лопату, выбрал в тени тутовника место, начал копать. Земля здесь была податливой, не то, что в огороде. Он углубился немного, и вдруг лопата гулко ударилась о что-то. Во дворе никого не было. Мульки опустился на колени, стал руками разгребать землю. Сердце его бешено колотилось, руки дрожали: «Так вот почему отец не доверял никому окапывать дерево? Сколько раз Нарлы вызывался помочь, но отец запрещал! Как я сразу не догадался?..» Но оказалось, что лопата задела вовсе не кушин с золотом, как надеялся Мульки, а корень дерева. Мулькаман с остерве-нением перерубил его, стал копать глубже, но через минуту опять наткнулся на корень. Тот выступил из-под земли, красноватый, толстый, такой лопатой не перерубишь! Мульки засыпал яму, принялся рыть новую, чуть в стороне. И здесь углубиться не давали корни дерева. Он отступил подальше от ствола — все то же! Как-то отец рассказывал, что корни тутовников тянутся друг к другу, переплетаются под землей и от этого деревья обретают свою мощь. Неужели и в самом деле так? Только корни, корни под нетолстым слоем земли...

* * *

Powestler